

УДК 343.988

**СОЗАВИСИМЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЖЕРТВЫ И ПРЕСТУПНИКА
КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ПОДЛЕЖАЩЕЕ УЧЕТУ
В ПРОФИЛАКТИКЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Л.В. Павлова,

старший научный сотрудник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь)

Вопросы взаимоотношений жертвы и лица, совершившего преступление, весьма часто привлекают внимание исследователей. Действительно, для объективного установления всех обстоятельств преступления и недопущения повторения содеянного, весьма важно принять во внимание связи, сложившиеся у преступника с жертвой. Особо значимы такие сведения при расследовании преступлений насильственной направленности, то есть связанных с причинением вреда жизни или здоровью человека. В ряде случаев

рассматриваемые противоправные деяния совершаются в отношении лиц из ближайшего окружения – родственников, членов семьи, сожителей (далее такие совершеннолетние лица будут обозначаться как партнеры). Эти преступления могут иметь случайный характер, или следовать из образа жизни преступника, его отношения к близким людям. По возможности, с лицами, склонными к совершению преступлений, проводится профилактическая работа, данным вопросам много внимания уделяется в специальной литературе [1].

В свою очередь, проблему причинения вреда жизни или здоровью партнера, предлагаем рассмотреть, обратившись к жертве и выяснив ее роль в преступлении. Представляется, что такое исследование может быть значимым для развития системы виктимопрофилактики и оценки возможности противодействия уголовно-правовыми средствами насилию, совершаемому в отношении партнера.

Статистические данные свидетельствуют, что в 2017 г. в Республике Беларусь преступления против человека составили 14,3% от общего количества зарегистрированных преступлений (86 326). Это является наибольшим показателем с 2010 г., хотя общее количество регистрируемых преступлений в указанный период ежегодно уменьшалось. Всего в результате преступных посягательств в 2017 г. погибло 780 человек (не включая данные по дорожно-транспортным происшествиям). При этом количество таких тяжких преступлений как убийства и покушения на убийства, а также умышленное причинение тяжких телесных повреждений снижается. В прошедшем году их показатели составили 0,4% (348) и 0,8% (696) от общего числа зарегистрированных преступлений [2]. Существенный объем преступлений против человека составляют менее тяжкие преступления и преступления, не представляющие большой общественной опасности. Например, в 2014 г. в сфере семейно-бытовых отношений совершено 125 убийств и покушений на убийства, в 252 случаях умышленно причинены тяжкие телесные повреждения. В то время как в том же году зарегистрировано 500 случаев умышленного причинения легких телесных повреждений, 340 случаев истязаний, 826 случаев угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений [3].

Ситуации совместного проживания (систематического общения) с лицом, склонным к агрессивному асоциальному поведению, свидетельствует о том, что некоторые лица намеренно сохраняют взаимоотношения с партнером, который может причинить серьезный вред их жизни или здоровью. Тем самым они осознанно выступают в качестве потенциальных жертв

насилия. Безусловно, причины такого поведения могут быть различны. Основными из них видятся экономическая и психологическая (эмоциональная) зависимость. Последняя более субъективна и при желании жертвы может быть скорректирована, в связи с чем является особым интересом для наших исследований.

Разновидностью психологической зависимости является созависимость (co-dependency). Как проблема зависимости от «Другого», так и проблема созависимости, тесно связаны с философскими вопросами бытия и свободы. Современные исследователи отмечают, что «мы свободны в той степени, в какой имеем возможность действовать в интересах самих себя, и несвободны, если вынуждены действовать в чужих интересах» [4, с. 10]. В прикладном аспекте созависимость широко исследуется в психологии, соответствующие вопросы рассматриваются как отечественными, так и зарубежными учеными [5–8].

В общем виде созависимость понимается как системная дисфункция, которая так или иначе затрагивает всех членов семьи зависимого индивида [9]. Расширенным определением является понимание созависимости как дисфункционального паттерна отношений с другими людьми, сопровождаемого чрезмерной сфокусированностью вне своего «Я», личным смыслом, почерпнутым из отношений с другими людьми [9]. Тем самым общий постулат о том, что человек проявляет себя во взаимоотношениях, уточняется тем, что созависимый без партнера себя вообще не мыслит. Идея улучшить чужую жизнь вместо своей – становится центральной для созависимых [5, с. 58]. В большинстве изученных литературных источников созависимость рассматривается на примере психологической зависимости одного лица от другого, зависимого от употребления психоактивных веществ (алкоголя, наркотиков и т.д.) [6, с. 8-10].

Следует отметить противоречивость взглядов на значение созависимости (от одобрения до порицания), поскольку в настоящее время генезис созависимости имеет два варианта объяснения:

- в одних случаях говорится, что созависимость провоцируется посредством взаимодействия с партнером (происходит нарушение развития, патологический путь формирования себя),
- в других – рассматривается как своеобразный вариант развития личности, наличие потребности реализовывать себя через другого человека, для чего подыскивается соответствующий партнер.

Более подробно данные подходы рассмотрены в работах Н.И. Олифирова и И.А. Громовой [6, с. 11]. В данной работе мы придерживаемся

позиции нейтрального взгляда на созависимость, рассмотрение ее как одну из форм проявления «Я».

Одними из первых на проблему созависимых обратили внимание специалисты лечебных центров Миннесоты, работавшие с женами анонимных алкоголиков, поскольку эти женщины проявляли набор общих характеристик [5, с. 46]. Действительно, зависимость партнера от психоактивных веществ, являя собой телесное (физическое) состояние, изменяет уровни бодрствования, выносливости, физического самочувствия, вегетативные функции, сексуальную активность и т.д.; на соматическом уровне отсутствие объекта потребности (вещества, занятия и т.п.) ведет к достаточно глубоким отклонениям и расстройствам организма [4, с. 40]. Соответственно, у лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией, чаще ухудшается состояние здоровья, снижается самоконтроль, нарушается адекватное восприятие происходящего, обостряются негативные реакции на высказывания, поведения иных лиц. Жизнь лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией, с присутствующими им проблемами становится частью жизни их окружения. В случае выстраивания созависимых отношений потенциальная возможность стать жертвой насилия, совершенного партнером, существенно возрастает, и это представляет наиболее проблемное поле профилактики насилия. Однако, как отмечают исследователи, партнеры редко пытаются что-либо изменить сами или с чьей-то помощью [4, с. 74]. Складывающиеся отношения на психологическом уровне могут быть объяснены взаимным утилитаризмом, удовлетворением личных потребностей, самоутверждением путем давления на партнера, снижением внутренней тревоги с помощью контроля и гиперпротекции [7, с. 76]. Созависимый старается поддержать, увлечь заботой и любовью, изменить, не оставить в беде, вылечить зависимого... В этой связи справедливым представляется утверждение о том, что «созависимость рождается в отношениях между людьми, но действует в пределах индивидуальной психики, – это установка, состояние конкретного человека» [10, с. 318].

Тем самым созависимый попадает в ловушку, известную как треугольник «спасательства»: принимает на себя роль «спасателя», «жертвы» или становится «преследователем». Вот как это описывается психологами: спасатель после бесплодных попыток образумить безответственного опекаемого начинает чувствовать себя жертвой происходящего, а «подопечного» воспринимает как источник наказания и неприятностей, то есть как преследователя [7, с. 72]. Если на этом этапе отношения не будут прекращены, при нарастании раздражения созависимый из роли «спасателя» и «жертвы» может перейти в роль «преследователя» – высказывать обидные слова, унижать, подвергать другим карательным воздействиям, не исключая насилия.

Но и это может устраивать пару, поскольку каждый получает свои осознаваемые или неосознаваемые психологические выгоды: наказанный спасаемый становится еще более несчастным, всячески сигнализирует об этом партнеру, тот же, насытившись «праведным гневом», вновь готов вернуться к исходной роли заботливого «спасателя» [7, с. 72-73].

Представленный механизм взаимодействия составляет собой сущность «треугольника спасательства». В виду продолжительно воздействующего стресса, естественной частью отношений может стать конфликтное взаимодействие; предсказуемость конфликтов понижает страх перед ними, и, соответственно, необходимость обращения за помощью к третьим лицам.

В таких случаях существует вероятность, что внешнее вмешательство (например, помещение зависимого в лечебно-профилактическое учреждение) без системной психологической (психотерапевтической) помощи разорвет конкретную социальную связь, но не стереотип поведения созависимого лица. Тем самым не исключено, что при случае созависимый возобновит отношения или установит новые социальные связи с другими лицами, реализуя привычный для него сценарий.

Порой созависимые связывают смысл своей жизни с необходимостью изменения привычек партнера. И нередко остаются разочарованными поскольку на другом полюсе оказывается право лица, страдающего зависимостью, быть таким, какой он есть, изменять или не изменять себя, его взгляд на сложившуюся экзистенциальную проблему и его свободный выбор. Исследователи отмечают, что именно по принципу спасательства на протяжении многих лет строятся взаимоотношения между женой и мужем-алкоголиком, матерью и взрослым «непутевым» сыном, пьющими родителями и служащими социальной помощи и т.п. [7, с. 73].

Например, в исследованиях Т. Г. Терещенко отмечено, что женщины значительно чаще, чем мужчины совершают именно криминальное насилие в семье в ответ на агрессию лица, который в последующем признается потерпевшим; 81 % всех жертв от умышленного причинения тяжких телесных повреждений были в той или иной степени знакомы с преступником; в структуре социальных связей преступника и жертвы первое место (55%) занимали отношения социально-бытового характера (супружеские, родственные, сожительство); около трети (28%) преступлений, связанных с умышленным причинением лицу тяжких телесных повреждений, сопровождались длительным конфликтным состоянием, что обусловлено большим количеством приходящихся на данную группу близких отношений (бытового плана) [11, с. 119].

Изучение специфики межличного взаимодействия представляется особо необходимым, поскольку помогает лучше понять механизм инверсии ролей, спровоцированность агрессии, что значимо для правильной квалификации насилия, совершаемого одним партнером в отношении другого. В том числе учитывать положения о необходимой обороне, личностные и поведенческие характеристики данных лиц, обращаться за разъяснениями к специалистам в соответствующих областях знаний. Расширяя спектр вопросов, подлежащих выяснению, снижается возможность упущения значимых обстоятельств и принятия ошибочного решения при правовой оценке произошедшего.

Подход, основанный на познаниях в области психологии, свидетельствует о том, что эффективная профилактика насилия в отношении лиц из числа ближайшего окружения, невозможна при использовании только запретительных мер. На это же указывает большой процент лиц, обратившихся в правоохранительные органы в связи с совершенным в отношении них насилием, но в последующем отказавшихся от привлечения правонарушителя к ответственности (административной, уголовной) [3]. Тем самым, кроме как устрашением партнера, они не решают (или умышленно не хотят решать) возникшую проблему по существу. Соответственно, профилактическую работу необходимо проводить не только с потенциальными правонарушителями (преступниками), но и потенциальными жертвами, повышая их культурный уровень, правосознание, мотивируя к саморазвитию, социально-одобряемому самовыражению, отказу от иррациональных и деструктивных установок.

Представляется, что в Республике Беларусь профилактику насилия посредством корректировки межличностного взаимодействия следует осуществлять сделав доступной помощь соответствующих специалистов, что должно рассматриваться как социальная услуга. Такая помощь может оказываться частными центрами либо Центрами социального обслуживания населения, находящимися в структуре Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь [12]. Мотивировать обращение к специалистам необходимо за счет безвозмездности предоставляемых услуг, территориальной доступности, благожелательности к клиентам и отсутствия «клеймения», удобного (максимально продолжительного по времени) графика работы, интересной подачи простой информации, насыщенной примерами из жизни, возможности изучения определенной информации посредством удаленного доступа, участия в «кругах сообществ» с возможностью быть услышанным, получения обратной связи в адекватной форме и др.

Функционирование центров помощи созависимым и зависимым должно стать неотъемлемым элементом социальной политики государства. Затраты на финансирование таких центров являют собой вложение в профилактику преступности и повышение уровня развития граждан, что является весьма ценным для общества и государства.

Список использованных источников:

1. Проблемы предупреждения отдельных видов преступности / В. А. Ананич [и др.] ; под. общ. ред. В. А. Ананича; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь», Ассоц. высш. учеб. заведений м-в внутр. дел (полиции) государств-участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции). – Минск : Академия МВД, 2017. – 385, [1] с.

2. Статистический ежегодник 2018 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/0be/0becfeb4ff8551d54808f25ebc33ca51.pdf>. – Дата доступа: 01.10.2018.

3. Гендерное равенство и здоровье [Электронный ресурс] // Гендерное равенство : бюллетень. – 2015. – № 9. – Режим доступа: <http://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Gender-Bulletin-9-2.pdf>. – Дата доступа: 04.10.2018.

4. Шаповал, И.А. Созависимость как жизнь / И. А. Шаповал. – М. : Университетская книга, 2009. – 240 с.

5. Громова, И. А. Детерминанты зависимых и созависимых отношений / И. А. Громова. – Минск : ПГПУ, 2017. – 188 с.

6. Олиферович, Н. И. Созависимые отношения как способ взаимодействия в дисфункциональных семьях / Н. И. Олиферович, И. А. Громова // Психология. – 2012. – № 3. – С. 8–12.

7. Емельянова, Е. В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования / Е. В. Емельянова. – СПб. : Речь, 2010. – 368 с.

8. Уайнхолд, Б. Освобождение от созависимости / Б. Уайнхолд, Дж. Уайнхолд. – М. : Класс, 2003. – 224 с.

9. Вариошкина, Е. Понятие «созависимость» в современной психологии (теоретический анализ литературы по проблеме) [Электронный ресурс] / Е. Вариошкина // Информационный портал В17. – Режим доступа: <https://www.b17.ru/article/74900/>. – Дата доступа: 01.10.2018.

10. Папуш, М. Психотехника экзистенциального выбора / М. Папуш. – М., 2001 – 544 с.

11. Терещенко, Т.Г. Виктимологическая характеристика потерпевших от умышленного причинения тяжких телесных повреждений / Т.Г. Терещенко // Право.by. – 2011. – № 4. – С. 119 .

12. Центры социального обслуживания населения [Электронный ресурс] // Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. – Дата доступа: http://mintrud.gov.by/ru/new_url_375140128/. – Режим доступа: 30.09.2018.